

УДК: 314.04.323.11 (091)

DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-4-134-139

Научная статья

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ СЕМЬИ, БРАКА И СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ

С.А. Кропачев

Институт российской истории РАН

Статья посвящена эволюции роли женщины в обществе, институтов семьи и брака в России после революционных событий 1917 г. В 1920-е развитие матримониальных отношений имело либеральную направленность и проходило под условным девизом «меньше государства». Рассматриваются вопросы легитимизации фактического (гражданского) брака, который в 1927–1944 гг. в РСФСР имел такой же статус, как и брак, зарегистрированный в государственных органах. Анализируются вопросы социального статуса сельской женщины и особенности матримониального поведения крестьянского населения. Подчеркивается, что последние были в меньшей степени подвержены влиянию революционных идей о свободных формах отношений между мужчиной и женщиной и новой половой морали. Деревня с её институтами социального (общественного) контроля консервировала традиционный уклад жизни сельских жителей и укоренившиеся типы воспроизводства населения в 1920-х годах, в условиях смягчения экзогенных факторов.

Ключевые слова: социальная роль женщины, семья, брак, матримониальное поведение, РСФСР, 1920-е годы

Под влиянием октябрьской революции 1917 года, передовые идеи о роли женщины в обществе, институтах брака и семьи, которые активно распространялись в конце XIX-начале XX вв., отчасти были воплощены в Советской России. Секуляризация брака, провозглашенная в декретах «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.), подорвала правовую основу патриархальной семьи. Все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов и передавались органам государственным. В Семейном кодексе РСФСР 1918 года провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в

Original article

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTIONS OF FAMILY, MARRIAGE AND THE SOCIAL ROLE OF WOMEN IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920S

S.A. KROPACHEV

INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article is devoted to the evolution of the role of women in society, the institutions of family and marriage in Russia after the revolutionary events of 1917. In the 1920s, the development of matrimonial relations had a liberal orientation and was held under the conditional motto «less state». The issues of legitimation of an actual (civil) marriage, which in 1927–1944 in the RSFSR had the same status as a marriage registered with state bodies, are considered. The issues of the social status of rural women and the peculiarities of the matrimonial behavior of the peasant population are analyzed. It is emphasized that the latter were less influenced by revolutionary ideas about free forms of relations between men and women and the new sexual morality. The village with its institutions of social (public) control system preserved the traditional way of life of rural residents and entrenched types of reproduction of the population in the 1920s, in conditions of mitigation of exogenous factors.

KEYWORDS: the social role of women, family, marriage, matrimonial behavior, RSFSR, 1920s

отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [9, с. 87].

Все социальные, сословные, религиозные, национальные ограничения, связанные со вступлением в брак и его расторжением, отменялись. Закреплялось равноправное положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина формально становилась юридически свободной.

В Советской России начался период, продолжавшийся примерно до середины 1930-х годов, когда развитие брачно-семейных отношений имело ярко выраженную либеральную направленность. В советском обществе идеи об освобожденной женщине, о том, что семья, брак, половая мораль будут кардинально отличаться от норм общества буржуазного, распространялись широко и активно.

В работах А. Коллонтай, А. Луначарского, И. Арманд и др. романтизировались свободные формы отношений между мужчиной и женщиной, новая половая мораль, институт гражданского (фактического) брака. Последний распространялся в России быстро, особенно среди молодежи крупных городов. Зарегистрированные государственные браки не покрывали всех случаев возникновения фактических брачных отношений. Происходило это, в том числе, из-за дефицита мужчин на брачном рынке. Так, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. незарегистрированных (фактических) браков [9, с. 87].

Либерализация матримониальных отношений, зреющая революция во взаимоотношениях полов, признание того, что фактический и зарегистрированный браки ничем не отличаются, имели вполне законченные юридические последствия. Государство признало фактический брак. Данная правовая форма, как известно, была зафиксирована в Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г. на сессии ВЦИК РСФСР. Новый Кодекс был введен в действие с 1 января 1927 г.

Институт фактического брака просуществовал в Советском Союзе с 1927 по 1944 гг. и имел широкое распространение. Так, по переписи населения 1937 г. в СССР в браке состояло 64 561 843 мужчин и женщин. При этом, мужей было на 1 459 159 человек меньше, чем жен, состоявших в браке (или считавших себя таковыми). Это стало следствием легитимизации незарегистрированного брака, а также института многоженства, существовавшего в Казахстане, Киргизии (до 1936 г. входили в состав РСФСР), Дагестане и на Северном Кавказе, подлинными размерами которого установить весьма сложно [5, с. 82].

В 1920–1930-е годы в РСФСР одновременно существовали три формы брака: церковный, государственный и фактический. При этом, церковный брак был весьма распространен наряду с другими формами брака. Так, рабочие Нижнего Тагила в 1917–1921 гг. в основном заключали церковный брак (90%), в 1922–1924 гг. таких брачных союзов было только 40%. Активная борьба советской власти с религией и церковью, трансформация религиозного сознания свели на нет церковные браки в конце 1930-х годов [1, с. 36].

В целом, в 1920-е годы институт семьи и брака в России не претерпел значительных изменений, несмотря на новые политические, социальные условия и принятые законы. Большинство народов находилось на стадии традиционного типа воспроизводства населения, что означало раннее вступление в брак как для мужчин, так и для женщин, превалирование многодетных патриархальных семей, фактическое неприменение абортов, табу на разводы и т.д.

Традиционной была и роль женщины в семье и обществе. Старая система брачно-семейных отноше-

ний стала разрушаться в 1930-е годы под влиянием сложных экзогенных факторов. Коллективизация, индустриализация, депортации, вынужденная миграция, массовый голод, репрессии, невиданные темпы урбанизации, активная борьба с церковью привели к быстрому освобождению семейных отношений от механизмов социального ограничения, снижению влияния религии, исчезновению повседневного общественного деревенского контроля. Последний играл весьма важную роль в повседневной жизни российской деревни, где проживало в середине 1920-х годов 82,7% всего населения страны. Миллионы крестьян, хлынувшие в города и на стройки первых пятилеток в конце 1920-х–1930-е годы, стали быстро усваивать более свободный стиль матримониального поведения [9, с. 89, 90]. Следствием всего этого стало резкое увеличение разводов и неполных семей, снижение рождаемости, рост числа искусственных абортов. Массовый характер приобрела детская беспризорность и безнадзорность.

Нужно отметить, что не все вековые традиции и обычаи в сфере семейно-брачных отношений исчезли. Многие живы до сих пор, особенно у народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, у адыгейцев, проживающих в Республике Адыгея и Краснодарском крае, обязательной нормой поведения как для сельских, так и для городских жителей, является полное отсутствие на протяжении всей жизни контактов между зятем и тещей, запрет на участие родителей невесты на её свадьбе, сохранение обычаев «кражи» (умыкания) невесты (как правило, по предварительной договоренности) и т.д.

Вернемся в относительно благополучные 1920-е годы. Эволюция социальной роли женщины в семье и обществе тормозилась рядом объективных и субъективных причин. Среди них были укоренившиеся вековые традиции, институты общественного контроля, безграмотность, многодетность, религиозность, отсутствие веры в себя и другие. В сельской местности особенно незавидным было положение молодой бездетной женщины, вышедшей замуж и переехавшей к мужу, в большую крестьянскую семью, где в одной избе проживали, как правило, представители 3–4 поколений. Она занимала (не считая детей) низшую, наименее почетную, социальную ступень в семейной иерархии. Выше неё стояли «молодки» – молодые женщины, имеющие детей, неженатые юноши (парни), молодые женатые мужчины, пожилые («взрослые») женщины и венчал эту пирамиду пожилой мужчина, глава большой крестьянской семьи. Молодая замужняя бездетная женщина («молодица», «водворка», «молодуха», «молодайка» и др.) не была полностью бесправной, но её положение было весьма незавидным. Кем она являлась? Добровольной домашней слугой, челядью, дворовой девкой, крепостной? Ни одно определение не подходит к её социальному статусу. Вместе с тем, в

её новой жизни, в семье мужа, она испытывала на себе элементы ограничений и притеснений, тяжелого крестьянского труда, которые сопровождали жизнь всех перечисленных выше сельских тружеников в разные исторические эпохи.

К выбору невесты в России до 1917 года и в первые десятилетия советской власти подходили очень серьезно. Это был своего рода капитал, выгодное приобретение, от которого ждали прибавления семейства, а значит и новых работников. «Молодуха» была словно хлеб, плодородной и жизненно важной для всей семьи. В процедуре сватовства, смотрин (в Вятской губернии она называлась Советом) главная роль отводилась родителям жениха. Именно его отец и мать делали окончательный вывод о качествах невесты и за ними было последнее слово. Но при этом согласие невесты тоже имело значение. Никого, как правило, насильно замуж не выдавали. Моя бабушка Татарина (в девичестве Зайцева) Наталия Леонтьевна 1904 года рождения, вышла замуж в 1924 году за моего деда Татарина Александра Егоровича, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни, в 1933 году. Было это в деревне Зайцы Котельничского уезда Вятской губернии. Потом молодая семья проживала в доме мужа, в деревне Большие Татары. Бабушка была красивой, работающей девушкой и много раз её сватали. Однако, как она говорила с гордостью, на Совете она согласилась выйти замуж только за двадцатого по счету жениха.

Роль новоиспеченного мужа в семье также была не завидной. В XVIII–XIX веках молодых крестьян призывали в рекруты, а затем им приходилось заниматься отхожим промыслом вне места постоянного проживания. Сезонная работа крестьян (отходничество) в Российской империи составляла один из значительных источников дохода сельского населения.

В 1920–1930-е годы, с началом коллективизации, многие крестьяне устремились в города. Многие ехали за новой, лучшей жизнью, спасаясь от раскулачивания и голода. С введением паспортов в 1932 г. крестьяне не могли свободно покидать деревню. Но в годы первых пятилеток руководство строящихся фабрик, заводов, электростанций имело возможность организованно набирать рабочую силу из деревень («оргнаборы», «вербовка») [4, с. 7].

Длительное отсутствие дома молодого мужа создавало многочисленные проблемы. В ряде губерний Российской империи, а потом и РСФСР, существовало такое явление как снохачество. Оно представляло собой практику в русской деревне, а также казачьей станице Дона [11], при которой возрастной мужчина – глава большой патриархальной крестьянской семьи, живущей в одной избе, состоял в половой связи с младшими женщинами семьи, обычно с женой своего сына (снохой). Этот факт отчасти объясняет преобладающую роль родителей жениха

в процедуре сватовства и выборе невесты для сына, будущей снохи.

Но не везде снохачество имело распространение. По рассказам моей бабушки, Наталии Леонтьевны Татариновой, этого явления в Котельничском уезде Вятской губернии не было. Она вспоминала тяжелый повседневный труд, бремя крестьянской жизни, но никогда речь о домашнем насилии не шла. Наоборот, она с теплотой говорила о своем свёкре, Татаринове Егоре (Георгии) Филипповиче, который относился к ней как к родной дочери.

Народы России в 1920-е годы находились на разных стадиях социального, экономического и культурного развития. Эти процессы, впрочем, очень тесно связаны между собой. Так, уровень грамотности по Всесоюзной переписи населения 1926 г. в России был низким и составлял лишь 40,7% грамотных (52,3% у мужчин и 30,1% у женщин) [3, С. 95]. При этом подходы, определявшие уровень грамотности населения, были весьма лояльными. Грамотным считался гражданин (начиная с 5-летнего возраста), умеющий читать по слогам и писать свою фамилию на родном или русском языке [6, С. 245].

В других советских республиках, кроме Украинской ССР, уровень грамотности был еще ниже. Например, в ЗСФСР – 27,8%, УзССР – 7,7%, ТуркССР – 9,6% [3, С. 102, 105, 108, 109].

В Российской Федерации у жителей городов уровень грамотности был значительно выше, чем у сельских жителей [3, С. 95]. Мужчины были гораздо образованнее, чем женщины. Самым высоким показателем грамотности были у мужчин (73%), проживавших в городах, самым низким, – у сельских женщин (24,1%) [3, С. 95; 8, С. 179].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала самый высокий уровень грамотности у представителей европейских народов, проживавших в СССР: у латышей – 75,5%, эстов – 72,4%, литовцев – 70,5%, финнов – 76,0%, финнов ленинградских – 70,5%, немцев – 60,2%, чехов и словаков – 74,3%, сербов – 61,3%, болгар – 51,5%, румын – 56,4%, греков – 50,3%, албанцев – 46,5% [1, С. 86]. В переписи указана ещё одна собирательная группа «англичане, шведы, голландцы, итальянцы, французы и мадьяры» (83,4% грамотных), но в силу её малочисленности (14 920 человек) [1, С. 86], она является лишь исключением и не может быть сопоставлена с народами, составлявшими большинство жителей СССР и РСФСР.

Высоким процент грамотности был у евреев (ашкеназов) – 72,3%, евреев крымских – 58,2%, ижоров – 60,9%. Рекорд образованности принадлежал малочисленному тюркоязычному народу (8324 чел.), проживавшему, в основном в Крыму, – караимам. У них уровень грамотности составлял 84,9% и был одинаково высоким у мужчин и женщин [3, С. 86].

У восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы) показатели грамотности были намного выше, чем у большинства народов СССР и РСФСР: у русских – 45,1%, украинцев – 41,3%, белорусов – 37,3% [3, С. 86].

Уровень грамотности зависел не только от степени развития того или иного этноса, местах его проживания, но и от религиозности, традиций, достатка, семейного образования и других факторов. Так, домашнее образование, изучение родного языка было широко распространено у этнических немцев в ряде регионов России вплоть до 1970-х годов.

Ниже, чем у восточноевропейских народов, показатели грамотности были у этносов Поволжья: татар (включая черневых татар и кряшенов) – 33,4%, башкир – 24,3%, марийцев – 26,6%, мордовцев – 22,9%, чувашей – 30,7%, вотяков (удмуртов) – 25,6% [3, С. 86]. В сельской местности показатели грамотности были значительно ниже, чем в городах. Они резко снижаются и у мужчин, и у женщин с увеличением возраста. Грамотных мужчин у народов Поволжья в 1920-е годы было в 2–4 раза больше, чем грамотных женщин [3, С. 86; 8, С. 181].

В плачевном состоянии по уровню грамотности находились нацменьшинства, населявшие окраинные районы России: народы Азиатского Севера, Северного Кавказа и Дагестана, Казахской и Киргизской АССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. объединила в группу «Народы Азиатского Севера» шесть этносов, куда входили гольды, чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, эскимосы. Уровень их грамотности составлял 9,4%. Примерно такая же картина была у тунгусов (эвены и эвенки) – 13,6%, якутов – 6,3%, остяко-самоедов и самоедов (ненцы) – 3,0% и т. д. Исключения составляли буряты. Их индекс грамотности равнялся 23,2% (у мужчин – 36,9%, у женщин – 9,3%) [3, С. 87].

Не лучше была картина у этносов Северного Кавказа. Пятидесятилетняя Кавказская война, депортация народов не способствовали проникновению грамотности в кавказские аулы, прежде всего, расположенные в горных и труднодоступных районах. Так, среди собирательной группы «горцы Дагестана» грамотных было всего 5,9%, у других народов, проживавших в республике, примерно столько же, – у татов – 5,9%, кумыков – 11,1% [3, С. 87].

Другие этносы, населявшие автономии Северного Кавказа, также имели весьма низкий индекс грамотности: черкесы (черкесы и адыгейцы) – 16,9%, кабардинцы – 6,8%, чечены и бацбии – 2,9%, ингуши – 9,1%, карачаи – 9,2%, балкары – 5,3% и т. д. Исключением являлись осетины, среди которых было 21,2% грамотных. Среди киргизов грамотных было всего 4,6%, казахов – 7,1%. Женщины народов, проживавших в окраинных районах России, были поголовно неграмотными. Уровень грамотных женщин у разных на-

родов составлял от 0,3% (киргизы и чечены) до 11% (осетины) [3, С. 87]. Это говорит о бесправии женщин этих народов, их низком социальном статусе и полной зависимости от мужчин.

Образование в стране в 1920-е годы не получило широкого развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. Изменения начали происходить в 1930-е годы, но они были весьма скромными. В конце 30-х годов среднее образование имели 4,6% населения, а высшее – 0,6% [10, С. 182–185].

До революции 1917 г. религия в Российской империи играла огромную роль. Имела большое влияние на самосознание народов, их ментальность, общественную, политическую и культурную жизнь. Прежде всего, православие, широко распространенное среди восточнославянских народов. Девиз, с которым шли в бой и умирали, содержал три святых, для православных людей, слова: «За веру, царя и отечество!». Мы видим, что на первом месте стояла вера. После революции ситуация изменилась. Атеистический курс государства, коммунистическая идеология, изменения границ, привели к сокращению количества верующих. Однако в 1920-е годы религиозные верования и убеждения в России играли большую роль. В стране исповедовали все ветви христианства: православие, католицизм, лютеранство, протестантство, армяно-григорианство и др., мусульманство (магометанство), иудейство, буддизм и ламаизм, шаманство. Страна продолжала оставаться полиэтнической и многоконфессиональной. После всплеска агрессии периода революции, гражданской войны и голода 1921–1922 гг., в годы новой экономической политики наступило относительное затишье, государство лояльно относилось к религии и верующим. В 1920-е годы в России наблюдалось несколько устойчивых тенденций. По понятным причинам, увеличилось количество атеистов. Наблюдалась прямая зависимость уровня грамотности и верований. Доля верующих женщин (прежде всего у христиан) была выше, чем верующих мужчин. Очень популярны у православных были церковный брак, крестины, отпевание, празднование пасхи и других религиозных праздников.

Перелом наступил в 1929 году. Начавшаяся коллективизация и состоявшийся в июне 1929 г. II съезд Союза Воинствующих Безбожников привели к массовому закрытию культовых зданий, аресту священнослужителей и верующих. Были закрыты тысячи православных церквей, монастырей, молитвенных домов. Арестованы иерархи Русской православной церкви [12]. Гонениям подверглись все имевшиеся в РСФСР конфессии – мусульманство, иудейство и др. Каталическая церковь в конце 1930-х годов прекратила своё существование.

Подводя итоги эволюционного развития социальной роли женщины в обществе, семье и брака в 1920-е годы, отметим, что названные институты, а также но-

вазии в гендерной политике существовали в благоприятной политической, социальной, экономической среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на внутреннюю политику в Советской России.

Это был период, продолжавшийся примерно до середины 1930-х годов, когда развитие брачно-семейных отношений имело ярко выраженную либеральную направленность и проходило под условным девизом «меньше государства» [9, С. 86].

Последнее терпимо относилось к попыткам найти современные формы отношений между мужчиной и женщиной и дискуссиям о новой половой морали. Одним из итогов этого периода стала легитимизация института гражданского (фактического) брака в РСФСР. Вот как об этом говорилось в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 года: «Глубокие изменения в основах семейного права, явившиеся результатом революции, и огромные сдвиги, вызванные ею в области бытовых отношений, требовали радикальной перестройки методов регистрации фактических отношений.

Инструкция по производству переписи требовала, чтобы женатыми и замужними записывались лица, признающие себя состоящими в браке, хотя бы этот брак не был легально оформлен.

Поскольку данные о семейном состоянии имеют значение не сами по себе, а по той глубокой связи, в которой они находятся с другими демографическими и социальными характеристиками населения (плодовитость, самодеятельность женщины и др.), преимущества нового метода регистрации очевидны. Вряд ли, убедительными являются ссылки на большую четкость определений при установке на регистрацию юридически оформленного брака. Четкость остается лишь в инструкции. На практике сложность жизненных отношений ломает формальные требования инструкций и обуславливает уклон в сторону регистрации фактических отношений» [7, С. V, VI].

Узаконение института фактического брака произошло под влиянием октябрьской революции и идей либерализации семейно-брачных отношений. Значение имел и дефицит мужчин на брачном рынке. По Всесоюзной переписи населения 1926 года в РСФСР проживало 48,2 млн мужчин и 52,7 млн женщин. Последних было больше на 4.549.974 человека, или 4,5%. Если в городе мужчин и женщин проживало примерно равное количество, то в деревне последних было на 4 млн больше [8, С. 2].

Терпимость к новациям в семейно-брачных отношениях широко проявлялась в городах, где проживало только 17,3% жителей Советской России. В стране преобладало сельское население (82,7%), а деревенские жители, прежде всего, национальных районов к изменениям относились весьма сдержанно.

В 1920-е годы на селе фактический брак, самостоятельное прокреативное поведение, свободная сексуальная жизнь вне брака осуждались церковью и институтами социального (общественного) контроля. Пребывание в браке, сексуальные отношения, производство потомства воспринимались массовым общественным сознанием сельских жителей как единое целое. Прокреация и её регулирование рассматривались в неразрывной связи с матримониальным поведением [2, С. 33–34]. Как уже отмечалось, глобальные изменения в семейно-брачных отношениях на селе наступят в 1930-е годы, под влиянием индустриализации, массовой миграции крестьян в города и на стройки, других сложных экзогенных факторов.

Но в 1920-е годы, по крайней мере, на селе, женщина продолжала играть сакраментальную роль, занимаясь домашним хозяйством, семьей и воспитанием детей. В деревне доминировали традиционное матримониальное поведение крестьян, сложившиеся веками уклады жизни и укоренившиеся типы воспроизводства населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРАЛОВЕЦ Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
2. Всемирная история: В 6 т. Т.6. Мир в XX веке: Эпоха глобальных трансформаций: Кн. 1. М.: Наука, 2019. 692 с.
3. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 111 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОС-СПЭН, 2007. 320 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. 239 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXV. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Семейное состояние. Место рождения и продолжительности проживания. Увечные и психические больные. М.: Издание Планхозгиза, 1930. 220 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. Российская социалистическая федеративная советская республика. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. 228 с.
9. Демографическая модернизация России. 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
10. ЖИРОМСКАЯ В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОСПЭН, 2001. 280 с.
11. НЕБРАТЕНКО Г.Г. Институт семьи в обычном пра-

ве донских казаков (XVI-начало XX вв.). Северо-Кавказский юридический вестник. Ростов на Дону, 2012. С. 19–23.

12. РЕГЕЛЬСОН Л.Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1953 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 430 с.

REFERENCES

1. ARALOVECZ N.A. Urban family in Russia, 1927–1959. Tula: Grif i K, 2009:304. (In Russian).
2. World History: In 6 vols. 6. The world in the twentieth century: The Era of global transformations: Book 1. Moscow: Nauka, 2019:692. (In Russian).
3. The All-Union Population Census of December 17, 1926: Brief summaries. Issue VII: Age and literacy of the USSR population. Moscow: Izdanie CzSU SSSR, 1928:111. (In Russian).
4. All-Union population Census of 1937: General results. Collection of documents and materials. Moscow: ROSSPE'N, 2007:320. (In Russian).
5. All-Union population Census of 1937: Summary results. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1991:239. (In Russian). (In Russian).
6. All-Union Population Census of 1937: Main results. Moscow: Nauka, 1992:256. (In Russian).
7. All-Union Population Census of 1926. Vol. XXXXV. The northern district. Leningradsko-Karelian district. Family fortune. Place of birth and duration of residence. Crippled and mentally ill. Moscow: Izdanie Planxozgiza, 1930:220. (In Russian).
8. All-Union Population Census of 1926. Vol. IX. The Russian Socialist Federative Soviet Republic. Nationality, native language, age, literacy. Moscow: Izdanie CzSU Soyuza SSR, 1929:228. (In Russian).
9. Demographic modernization of Russia. 1900–2000. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006:608. (In Russian).
10. ZHIROMSKAYA V.B. Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown. Moscow: ROSPE'N, 2001:280. (In Russian).
11. NEBRATENKO G.G. The institution of the family in the customary law of the Don Cossacks (XVI-early XX centuries). Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. Rostov na Donu, 2012:19–23. (In Russian).
12. Regel'son L.L. The tragedy of the Russian Church. 1917–1953. Moscow: Centrpoligraf, 2017:430. (In Russian).

Кропачев Сергей Александрович,
д.и.н., в.н.с. Института российской истории РАН,

✉ 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д.19
117292, Moscow, st. Dmitry Ulyanov, 19
e-mail: rektor@eipk.info